

[DOI: 10.35549/HR.2025.2025.55.007](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.55.007)

Оригинальная статья / Original paper

Н.В. Сухов

*Центр ближневосточных исследований ИМЭМО
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Российская Федерация.
E-mail: soukhov@yandex.ru*

Миссия Е.М. Примакова: попытка дипломатического выхода из кувейтского кризиса (1990–1991)

Аннотация

Статья представляет собой подготовленное для публикации интервью корреспондента RT Arabic Халеда Ар-Рашда с Евгением Максимовичем Примаковым, выдающимся государственным деятелем, дипломатом и аналитиком, посвященное событиям кувейтского кризиса 1990 г., который положил начало вооруженному конфликту в Персидском заливе и стал одним из последних масштабных испытаний для внешней политики Советского Союза. В условиях стремительного изменения международного порядка, на фоне ослабления позиций СССР и завершения холодной войны, действия советского руководства в отношении иракской агрессии оказались предметом как международной дипломатии, так и внутривосточной дискуссии.

Интервью было записано спустя годы после описываемых событий, в сентябре 2010 г., когда Примаков мог оценить их не только как непосредственный участник событий, но с исторической дистанции — как аналитик. В ходе подготовки к публикации удалось сохранить авторскую интонацию.

В беседе анализируются внутренние противоречия в руководстве Советского Союза, дипломатические усилия по предотвращению

военной операции против Ирака, позиция арабских стран и реакция международного сообщества. Особое внимание уделено личной миссии Примакова в качестве специального посланника президента СССР. Интервью снабжено научным комментарием, раскрывающим исторический контекст, персоналии, дипломатические формулировки и оценки, прозвучавшие в диалоге. Публикация вводит в научный оборот уникальное свидетельство участника ключевых международных событий и процессов начала 1990-х гг.

С учетом биографии Примакова, его личной вовлеченности и ретроспективного анализа интервью представляет собой первоисточник, значимый как для реконструкции конкретного эпизода истории международных отношений, так и для понимания механизмов принятия внешнеполитических решений в условиях кризиса. Научная ценность материала усиливается тем, что некоторые из обсуждаемых аспектов ранее не получали подробной интерпретации в открытых источниках.

Ключевые слова:

Ирак, Кувейт, Саддам Хусейн, Хафез Асад, Хосни Мубарак, палестинский вопрос, Лига арабских государств, операция «Буря в пустыне» (1991).

Для цитирования:

Сухов Н.В. Миссия Е.М. Примакова: попытка дипломатического выхода из кувейтского кризиса (1990–1991) // Исторический вестник. 2025. Т. IV. С. 130–161. [DOI: 10.35549/HR.2025.2025.55.007](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.55.007)

Миссия в Ирак

*Дипломатия — это не сделка. Это обязанность.
Даже если тебя не слушают — ты должен говорить.
Иногда одно слово в нужный момент может предотвратить
катастрофу. Даже если оно прозвучит в пустоту.*

Е.М. Примаков

Перед вами — интервью с Евгением Максимовичем Примаковым, выдающимся государственным деятелем, аналитиком и дипломатом, посвященное событиям кувейтского кризиса 1990 г. Кувейтский кризис 1990 г. положил начало вооруженному конфликту в Персидском заливе и стал одним из последних масштабных испытаний для внешней политики Советского Союза. В условиях стремительного изменения международного порядка, на фоне ослабления позиций СССР и завершения холодной войны действия советского руководства в отношении иракской агрессии оказались предметом как международной дипломатии, так и внутривнутриполитической дискуссии.

Интервью было записано спустя годы после описываемых событий, в сентябре 2010 г., когда Примаков говорил не только как непосредственный участник событий, но и как аналитик, способный оценить их с исторической дистанции. В ходе подготовки к публикации удалось сохранить авторскую интонацию.

В беседе анализируются внутренние противоречия в руководстве Советского Союза, дипломатические усилия по предотвращению военной операции против Ирака, позиция арабских стран и реакция международного сообщества. Особое внимание уделено личной миссии Примакова в качестве специального посланника президента СССР. Интервью снабжено научным комментарием, раскрывающим исторический контекст, персоналии, дипломатические формулировки и оценки, прозвучавшие в диалоге. Публикация направлена на введение в научный оборот уникального свидетельства участника ключевых международных процессов начала 1990-х гг.

С учетом биографии Примакова, его личной вовлеченности и ретроспективного анализа интервью представляет собой первоисточник, значимый как для реконструкции конкретного эпизода истории международных отношений, так и для понимания механизмов принятия внешнеполитических решений в условиях кризиса. Научная ценность

материала усиливается тем, что некоторые из обсуждаемых аспектов ранее не получали подробной интерпретации в открытых источниках.

Исторический контекст событий

Вторжение Ирака в Кувейт 2 августа 1990 г. стало событием, потрясшим международную систему на рубеже 1980–1990-х гг. Впервые после окончания холодной войны одна страна предприняла прямую вооруженную агрессию против суверенного государства — члена ООН, что вызвало глобальный политический и правовой кризис. Президент Ирака Саддам Хусейн объявил Кувейт «девятнадцатой провинцией» своей страны, мотивируя аннексию якобы незаконной добычей нефти на спорных участках, историческими претензиями и необходимостью восстановления экономического суверенитета Ирака после восьмилетней ирано-иракской войны (1980–1988).

Соединенные Штаты Америки, воспользовавшись ситуацией, выступили организатором международной коалиции, включавшей как западные страны, так и ряд государств арабского мира (Египет, Саудовская Аравия, Сирия и др.). Уже 2 августа Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 660, осуждающую вторжение, а в последующие месяцы — целую серию решений, завершившихся резолюцией № 678 (29 ноября 1990 г.), санкционировавшей применение силы в случае, если Ирак не выведет войска из Кувейта до 15 января 1991 г. После этого срока, 17 января, началась операция «Буря в пустыне», продолжавшаяся до 28 февраля.

СССР, оказавшийся в условиях системного внутреннего кризиса — политического, экономического, управленческого, занял амбивалентную позицию. С одной стороны, Советский Союз поддержал резолюции ООН и осудил действия Ирака. С другой стороны, Москва, опираясь на традиционно тесные связи с Багдадом и рядом арабских столиц, настаивала на дипломатическом решении конфликта. Это отражало как внешнеполитический реализм, так и стремление сохранить баланс отношений с арабским миром, где СССР еще сохранял значительное влияние. Одновременно с официальной позицией Министерства иностранных дел СССР, возглавляемого Э.А. Шеварднадзе, который выступал против любых компромиссов с Саддамом Хусейном, была развернута альтернативная дипломатическая инициатива, реализуемая при непосредственном участии президента Михаила Горбачева и его спецпосланника, академика Евгения Примакова.

Евгений Примаков, эксперт по Ближнему Востоку, возглавлявший ранее Институт востоковедения и Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), был направлен в Багдад, а затем в Сирию, Египет, Иорданию и Саудовскую Аравию с целью поиска политического выхода из кризиса. Его миссия заключалась в том, чтобы убедить Саддама Хусейна в необходимости немедленного вывода войск в обмен на международные гарантии и косвенное обсуждение палестинского вопроса. Эта позиция нашла понимание у ряда арабских лидеров (Хафеза Асада, Хосни Мубарака, саудовского короля Фахда), которые, несмотря на формальное участие в антииракской коалиции, не были заинтересованы в полном разрушении Ирака как государства. Тем не менее внутри Лиги арабских государств не удалось достичь единства: противоречия между прозападными режимами и странами с антиамериканской риторикой (например, Йемен, Ливия, Алжир) привели к параличу общеарабской дипломатии.

Таким образом Советский Союз оказался в двойственной позиции. С одной стороны, он стремился сохранить роли миротворца и посредника, претендующего на глобальное влияние, с другой — объективно утрачивал рычаги давления на своих традиционных партнеров и становился все более зависимым от западных финансовых и политических структур. На этом фоне дипломатические инициативы Примакова — редкий пример внешнеполитической активности СССР в его последние месяцы, когда международная система уже стремительно переориентировалась от биполярной конфронтации к американоцентричному порядку.

Интервью с Е.М. Примаковым

Корреспондент RT Arabic Халед Ар-Ращд: Евгений Максимович, рады вновь видеть Вас в нашей студии. Первый вопрос касается реакции Советского Союза на вторжение Саддама Хусейна в Кувейт. В своей книге *«Ближний Восток на сцене и за кулисами»* Вы отмечаете, что никто не ожидал, что Саддам, не предупредив Москву, решится на такой шаг. Какой была реакция советского руководства на разных уровнях?

Е.М. Примаков: Важно различать два момента: одно дело — «никто не мог предположить», другое — «Саддам Хусейн не предупредил». Это не одно и то же. Предположить возможность таких действий, в принципе, было можно.

Е.М. Примаков — старшекласник
Из домашнего архива Е.А. Примакова

Корреспондент RT Arabic: Вы это предвидели?

Е.М. Примаков: Нет, я не утверждаю, что обладал такой прозорливостью. Но подобный вариант мог рассматриваться. Иракские власти много раз публично заявляли, что Кувейт — часть иракской территории, якобы новая провинция Ирака. Об этом они вскоре официально и объявили. Кроме того, концентрация иракских войск у границы и прямые угрозы — все это тоже говорило о возможной агрессии. Тем не менее, несмотря на союзнические отношения с СССР, Ирак ни о начале войны с Ираном, ни о вторжении в Кувейт нас не предупреждал¹.

Корреспондент RT Arabic: А как отреагировали на эти события в советских структурах?

Е.М. Примаков: Реакция была резко негативной на всех уровнях — и в МИДе, и в других ведомствах. Ни у кого не возникло даже мысли поддерживать действия Ирака.

Корреспондент RT Arabic: Была ли выработана единая линия поведения? Как отреагировали, например, Министерство обороны, МИД, КГБ?

Е.М. Примаков: Вы хотите подробную разбивку по ведомствам — кто как отреагировал? Я, разумеется, не присутствовал при всех обсуждениях, но могу сказать однозначно: реакция была единодушно отрицательной.

¹ СССР и Ирак в 1972 г. подписали договор о дружбе и сотрудничестве, формально делавший их союзниками. Однако в 1980 г. Ирак начал войну против Ирана без уведомления СССР, как и в случае с Кувейтом в 1990 г.

Корреспондент RT Arabic: Я задал этот вопрос, потому что, по свидетельствам Александра Белоногова² и отчасти по Вашим воспоминаниям, во внешнеполитическом курсе СССР существовали два направления: официальная линия МИДа во главе с Эдуардом Шеварднадзе и Ваша миссия специального посланника президента. Часто они шли параллельно, а иногда и вразрез. Что стало причиной такого расхождения?

Е.М. Примаков: Сразу уточню: разногласий по оценке самого вторжения не было. Все — и МИД, и президент, и я — осуждали действия Саддама. Разногласия касались способов выхода из конфликта. МИД и лично Шеварднадзе полагали, что переговоры с агрессором — это «аморально». В телеграмме, которую он направил, когда я по поручению Горбачева летел в Багдад, Шеварднадзе прямо написал: *«Контакты с Саддамом Хусейном считаю аморальными»*.

Корреспондент RT Arabic: Исходя из чего он, по-Вашему, занимал такую позицию?

Е.М. Примаков: Послушайте, как можно задавать мне такой вопрос — «исходя из чего он занимал эту позицию»?! Он занимал эту позицию потому, что он так считал. И примыкал к тем, кто тоже считал, что никаких политических контактов с Саддамом иметь не нужно.

Корреспондент RT Arabic: Но ведь даже американцы считали, что нужно...

Е.М. Примаков: Все забывали о том, что в Ираке находилось до пяти тысяч наших сограждан и свыше ста военных специалистов! Правда, Саддам Хусейн не высказывал в их адрес никаких угроз — это правда. Но по отношению к западным специалистам, находившимся тогда в Ираке, он прямо заявлял, что готов сделать из них «живой щит», если начнутся американские бомбардировки³. И в этих условиях не идти на контакт с Саддамом Хусейном, хотя бы по этому вопросу, не пытаться его образумить и не пытаться добиться вывода войск из Кувейта — я считаю, это было просто невозможно. С моей точки зрения. Даже не только с моей — с точки зрения президента Михаила Горбачева, который и поручил мне, несмотря на возражения МИДа, лететь в Багдад.

² Александр Михайлович Белоногов — советский и российский дипломат, в 1990–1991 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР. Его книга «МИД, Кремль. Кувейтский кризис» содержит личные свидетельства о раздвоении внешнеполитической линии.

³ Тактика использования иностранцев как «живого щита» была действительно заявлена режимом Саддама Хусейна. Многие западные граждане были размещены на стратегических объектах Ирака в качестве сдерживающего фактора перед началом бомбардировок.

Корреспондент RT Arabic: Возьмем две позиции — Вашу и Шеварднадзе. Вы пишете, что, когда Шеварднадзе был с визитом в Америке, он говорил: «Примакова слушать не надо».

Е.М. Примаков: Он говорил это американцам уже позже. Но действительно, когда я полетел в США, чтобы информировать Джорджа Буша о нашей точке зрения, о необходимости предложить план выхода из ситуации дипломатическими и политическими методами, вот тогда Шеварднадзе так и сказал. Об этом пишут американский историк Майкл Бешлосс и политолог Струоб Тэлботт в своей книге⁴. Там указано, что через своего помощника Шеварднадзе вышел на помощника Джеймса Бейкера или, возможно, даже на самого Бейкера и сказал: «На то, что говорит Примаков, не обращайтесь внимания».

Корреспондент RT Arabic: Что это означает?

Е.М. Примаков: Это означает, что он просто подрывал миссию президента. Потому что я в тот момент выступал не от себя — я был официальным посланником президента.

Корреспондент RT Arabic: Но разве это не говорит о двойственности во внешней политике Советского Союза?

Е.М. Примаков: Никакой двойственности не было. Если позиция министра иностранных дел не совпадала с позицией президента, это не значит, что велась двойственная политика. Двойственность — это когда проводится политика «и вашим, и нашим». У нас такой политики не было. У нас было стремление заставить Саддама Хусейна вывести войска из Кувейта мирным способом, предложив ему приемлемый выход. Что мы предлагали? В чем заключалась суть? Мы понимали, что Саддам хочет чего-то добиться. Ему нужно было «сохранить лицо». И чтобы сохранить лицо, он должен был получить хоть что-то. Он мне прямо сказал во время одной из поездок: «После того, как я закончил войну с Ираном, я ничего не получил. Если я и сейчас просто уйду из Кувейта, мне народ этого не простит»⁵.

Корреспондент RT Arabic: Это было во время первой встречи?

Е.М. Примаков: Да. Вот так он и сказал — «народ мне этого не простит». (**Корреспондент RT Arabic:** А что Вы ему тогда ответили?) Моя миссия как раз в этом и заключалась. Мы считали, что можно было

⁴ *Michael Beschloss & Strobe Talbott. At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War (1993).* Книга содержит детальное описание дипломатических контактов между СССР и США в период кризиса в Заливе.

⁵ Упоминается ирано-иракская война (1980–1988), в ходе которой Ирак понес тяжелые потери и не получил стратегических выгод. Это усилило стремление Саддама компенсировать неудачи путем аннексии Кувейта.

предложить Саддаму Хусейну следующее: выступить с заявлением о немедленном выводе войск из захваченного Кувейта и начать его осуществление. В ответ — неофициально, не для прессы — с нашей стороны и со стороны США можно было бы дать гарантии, что начнутся переговоры по палестинской проблеме.

Корреспондент RT Arabic: Но Вы же знаете силу израильского лобби и его влияние на внешнюю политику США. Разве это было реально?

Е.М. Примаков: Если Вы заранее все исключаете, то никакого движения вперед быть не может. Тогда не будет и попыток ближневосточного урегулирования. Вы же сами заранее говорите: все исключено!

Корреспондент RT Arabic: Но это ведь подтвердилось: в итоге от этой идеи отказались?

Е.М. Примаков: А что именно подтвердилось? Подтвердилось только то, что шла борьба, шло движение. А в ходе этого движения нельзя заранее опускать руки, как Вы предлагаете. Вы предлагаете: раз есть израильское лобби в США — значит, все, конец, нельзя и пытаться. Но так нельзя. Политика не делается с опущенными руками.

Корреспондент RT Arabic: Я говорю так, потому что вот что пишет, например, Мохаммед Машшад в своих мемуарах. Он был послом Ирака в США во время кувейтского кризиса. По его словам, когда он ехал в Америку, его инструктировал лично Тарик Азиз⁶. Тот сказал: «Вопрос о Палестине не поднимать, Израиль не критиковать» и дал список американских сенаторов — в основном из израильского лобби, с которыми нужно выстраивать отношения. Уже тогда Машшад решил, что не хочет продолжать работу с Саддамом. Это значит...

Е.М. Примаков: А о чем Вы? Что Вы хотите доказать этой цитатой? Я не понимаю, при чем здесь она?

Корреспондент RT Arabic: Я хочу сказать, что вся предполагаемая заинтересованность Саддама Хусейна в решении палестинского вопроса и попытка связать его с захватом Кувейта была иллюзией. Это не имело под собой реальной почвы.

Е.М. Примаков: Нет, я так не считаю. Я с Вами не согласен. Саддам действительно хотел увязать эти вопросы — и это могло бы поднять его авторитет в арабском мире. Он мог бы стать одним из ведущих лидеров,

⁶ Тарик Азиз — министр иностранных дел и вице-премьер Ирака, ближайший соратник Саддама Хусейна. Известен как прагматичный политик, активно работавший с западной дипломатией. Его инструкции послу Машшаду — игнорировать палестинский вопрос и не критиковать Израиль — свидетельствуют о двойственной политике Ирака, направленной на сохранение каналов общения с Западом.

Е.М. Примаков — начало работы в Институте мировой экономики
и международных отношений АН СССР (ИМЭМО)

Из домашнего архива Е.А. Примакова

если бы с выходом из Кувейта ему удалось инициировать продвижение палестинской проблемы и подвинуть дело к арабо-израильскому урегулированию. Это повысило бы его позиции в глазах арабских стран.

Корреспондент RT Arabic: Вот Вы предложили американцам свой вариант дипломатического урегулирования. Какова была их реакция?

Е.М. Примаков: Реакция была очень сдержанная. Сначала они вообще отказались обсуждать это предложение, сославшись — как и Вы — на Израиль: дескать, Израиль все равно не примет такой подход⁷.

Корреспондент RT Arabic: То есть попытки увязать выход из Кувейта с палестинским вопросом не сработали?

Е.М. Примаков: Да, увязки не получилось — это совершенно ясно. Но несмотря на это позиция Советского Союза привела к конкретным результатам. Прежде всего — к освобождению и возвращению на родину наших пяти тысяч граждан и более ста военных специалистов. Их эвакуировали. Во время моей второй поездки мы настояли на том, чтобы Саддам отпустил и других иностранных граждан — граждан западных стран, которые тоже находились в Ираке.

Саддам сказал, что сможет это сделать при условии, что Советский Союз и западные государства выступят с заявлением об отказе от военного пути решения кувейтского кризиса. Я ответил: «Это невозможно». В итоге мы договорились на формулировке в иной, косвенной форме —

⁷ США, несмотря на дипломатические усилия СССР, отвергали любые предложения, которые могли бы поставить в зависимость вывод иракских войск из Кувейта от палестинского вопроса. Это объяснялось союзом с Израилем и политикой «непризнания связи» между разными ближневосточными проблемами.

мол, урегулирование должно быть только политическим. Именно это и было озвучено Михаилом Горбачевым и Франсуа Миттераном на совместной пресс-конференции в Париже⁸. И после этого Саддам действительно отпустил западных граждан, которых он планировал использовать как заложников.

Корреспондент RT Arabic: А к чему привели все эти встречи?

Е.М. Примаков: Политику нельзя рисовать черно-белыми красками, понимаете? Я не могу ответить однозначно: «Встреча — и вот результат». Что дали эти встречи? Они показали, что хотя арабские руководители были против Саддама Хусейна, они тем не менее понимали: Ирак — арабская страна. И никто из них не хотел удара по Ираку, внутренне. Да, они желали смены режима в Багдаде. Но прямой удар... вот здесь и кроется противоречие. Это противоречие проявилось и в том, что, с одной стороны, арабские военные подразделения участвовали в коалиционных войсках во время сухопутной операции⁹. С другой стороны, Хафез Асад, президент Сирии, ухватился за нашу инициативу и предложил: собрать саммит глав арабских государств, которые выдвинули бы Саддаму предложение о начале переговоров под общеарабской гарантией.

Корреспондент RT Arabic: Но ведь Вы сами пишете, что сомневались в реальности такого саммита.

Е.М. Примаков: Я не отрицаю, что в дальнейшем Хосни Мубарак сказал мне: «Сейчас это малореально». Но я говорю о позиции арабских стран. Она была направлена на то, чтобы найти выход. Они не хотели, чтобы все закончилось войной. И искали хоть какое-то политическое решение.

Корреспондент RT Arabic: Позвольте процитировать. Вот как сегодня часто оценивают позицию СССР в арабской прессе. Посол США в СССР Джек Мэтлок в своих мемуарах пишет: «Во время переговоров в Хельсинки наряду с кувейтским кризисом обсуждались и проблемы советской экономики. Готовность США поддержать реформы в СССР могла быть отменена, если Москва выступит против политики Запада в Заливе». Более того, в арабской прессе сообщалось, что Советский Союз получил

⁸ Совместная пресс-конференция Михаила Горбачева и Франсуа Миттерана состоялась в Париже в декабре 1990 г. Там прозвучал призыв к политическому урегулированию кризиса, что дало Ираку дипломатический повод для освобождения заложников.

⁹ В коалиции против Ирака в 1990–1991 гг. действительно участвовали подразделения арабских стран: Египта, Сирии, Саудовской Аравии и др. Несмотря на участие, арабские лидеры сохраняли напряженное отношение к возможному разрушению Ирака и усилению Запада в регионе.

два транша по 4 млрд долларов кредитов в обмен на поддержку американской линии.

Е.М. Примаков: Это абсолютно не так! Вы цитируете материалы, которые не соответствуют действительности.

Корреспондент RT Arabic: Но это пишет посол США в СССР Джек Мэтлок в своих мемуарах!

Е.М. Примаков: Ну и что? Хельсинкские переговоры проходили 9 сентября. Это до начала военных действий коалиции против Ирака. Верховную встречу предложил сам президент Буш и Михаил Горбачев согласился. Я тоже присутствовал там. Разговор не был о том, что нам что-то предлагают, а мы за это поддержим США. Разговор шел по существу — о том, как остановить Саддама Хусейна. Мы тоже считали, что необходимо добиться его ухода из Кувейта. Но расходились с американцами в вопросе: как именно это сделать.

После переговоров был обед. Я сидел за столом между госпожой Буш и Брентом Скоукрофтом — советником президента по национальной безопасности. Скоукрофт спросил, что я думаю по поводу Багдада. Завязался разговор. Он спросил: «Когда вы последний раз были в Багдаде?» Его интересовало, поддерживаем ли мы личные контакты с Саддамом Хусейном. Я ответил: «Пока еще не был».

Теперь про миллиарды, о которых Вы говорите. Вы спутали. Эти средства поступили намного позже — это был Международный валютный фонд. Да, это МВФ, а не США напрямую¹⁰.

Корреспондент RT Arabic: Вот, посмотрите. Джеймс Бейкер в своих мемуарах пишет, что Шеварднадзе сразу предложил найти более гибкую формулировку, когда речь шла о применении силы. Он считал, что после афганского опыта прямое согласие СССР на силовое решение не будет принято обществом. Бейкер делает вывод, что Советский Союз мог бы поддержать идею применения силы, но только если резолюция будет неопределенной. То есть Шеварднадзе как бы говорил: применяйте силу, только обойдите формулировку?

Е.М. Примаков: Во-первых, из этой цитаты не следует, что он прямо это говорил. Это может быть интерпретацией Бейкера. Да, он так пишет. Но это еще не значит, что Шеварднадзе дословно так и сказал.

¹⁰ Примаков, по всей видимости, упоминает отдельные транши помощи России от МВФ. Однако кувейтский кризис 1990–1991 гг. не совпадает по времени с получением крупных кредитов от Фонда. Поддержка в 2006 г. относится к экономике уже постсоветской России, а не СССР. Привязка «кредитов за лояльность» в данном случае не имеет доказательной базы.

Во-вторых, позиция Шеварднадзе действительно заключалась в том, что мы не можем голосовать за резолюцию, в которой прямо говорится о применении силы против Ирака.

Я лично Саддаму говорил, что неизбежно будет применена сила. Мы его предупреждали. Не только я, Горбачев через меня передал предупреждение. Он не верил. Саддам руководствовался внутренними установками, которые у него сложились еще во времена ирано-иракской войны (1980–1988)¹¹. Он помнил, как США тогда фактически поддерживали Ирак, потому что Ирак был противовесом Ирану после исламской революции. Он все еще исходил из своего опыта общения с Дональдом Рамсфелдом, когда американцы искали в нем стратегического партнера¹².

Корреспондент RT Arabic: Когда Вы поехали в Багдад, с какими полномочиями?

Е.М. Примаков: У меня были полномочия президента Советского Союза. Сначала я поехал в Сирию к Асаду. Он тогда находился в очень тяжелом положении — в арабском мире его практически не воспринимали. Он был очень доволен тем, что я приехал к нему первым. Я объяснил: визит начался именно с него потому, что он оставался наиболее последовательным противником Саддама¹³.

Корреспондент RT Arabic: Каким было отношение Асада к действиям Ирака?

Е.М. Примаков: Асад прекрасно понимал, что Саддам совершил не просто агрессию, а удар по всей концепции арабского единства. Он по-

¹¹ Ирано-иракская война (1980–1988) — кровопролитный конфликт, в котором США де-факто поддерживали Ирак, опасаясь распространения иранской исламской революции. Это укрепило у Саддама убеждение, что Запад не пойдет на открытую конфронтацию с ним.

¹² Дональд Рамсфелд — спецпредставитель США, в 1983 г. встречался с Саддамом Хусейном, что позднее воспринималось Багдадом как политическое признание. Эти контакты, по мнению аналитиков, создали у Саддама иллюзию неприкосновенности.

¹³ Хафез Асад — президент Сирийской Арабской Республики (1971–2000), придерживался жесткой антииракской позиции во время кувейтского кризиса. Сирия вошла в состав международной коалиции против Ирака. Его поддержка Запада отразила глубокий раскол в арабском мире на фоне вторжения Ирака в Кувейт. Примаков подчеркивал свою миссию как представителя президента СССР Михаила Горбачева, минуя структуру Министерства иностранных дел, что свидетельствует о наличии параллельной дипломатической линии. Его выбор в пользу Сирии как первой остановки подчеркивает осознанную попытку мобилизовать наиболее жестких критиков Саддама Хусейна внутри арабского мира. Это указывает на то, что СССР стремился выстроить *восточный дипломатический фронт* до встречи с самим иракским лидером.

Е.М. Примаков. Короткий отдых в рабочем кабинете
Из домашнего архива Е.А. Примакова

дорвал солидарность арабского мира. Затем я поехал к Хосни Мубарак. Он также принял меня с большим доверием¹⁴.

Корреспондент RT Arabic: Каковы были Ваши ожидания от визита в Багдад?

Е.М. Примаков: У нас было представление, что Саддам — человек, не лишенный рациональности. Мы надеялись, что он понимает, к чему приведет его агрессия. Что он хотя бы попытается торговаться: мол, «я выведу войска, если вы поставите на обсуждение палестинский вопрос»¹⁵.

Корреспондент RT Arabic: Вы рассматривали такой торг как допустимый?

Е.М. Примаков: Нет. Мы не считали это приемлемым. Но видели в этом возможность для дипломатического маневра. И Горбачев так считал, и я тем более. Он сказал мне: «Я не поручаю тебе передавать Саддаму какие-либо условия. Прошу тебя попытаться склонить его к здравому решению»¹⁶.

¹⁴ Хосни Мубарак — президент Египта (1981–2011), союзник США и один из первых арабских лидеров, осудивших вторжение Ирака в Кувейт.

¹⁵ Саддам Хусейн действительно пытался выдвигать условие: обсуждение палестинского вопроса в обмен на вывод войск из Кувейта. Это рассматривалось как попытка увязать два конфликта и легитимизировать оккупацию.

¹⁶ Примаков подчеркивает: его миссия была политико-дипломатической без мандата на формальные переговоры или передачу условий.

Корреспондент RT Arabic: Вы понимали, насколько шатким был арабский консенсус?

Е.М. Примаков: Разумеется. Мы видели, что Саддам поставил под угрозу не только отношения с Западом, но и арабский фронт. Против него выступили Египет и Сирия — это уже говорило о многом¹⁷.

Корреспондент RT Arabic: Как прошла Ваша первая встреча с Саддамом?

Е.М. Примаков: Он был вежлив, но сдержан. Это был человек, не любящий споров. Он выслушивал собеседника и потом решал сам. Я изложил позицию: Советский Союз считает ошибкой продолжение оккупации Кувейта и настаивает на немедленном поиске выхода, чтобы избежать войны. Он слушал внимательно, почти не прерывал.

Корреспондент RT Arabic: Была ли у Вас повторная встреча?

Е.М. Примаков: Да, на следующий день он пригласил меня снова. Сказал, что провел совещание с руководством. Но его позиция осталась прежней. Он не принял никаких предложений. Было ясно, что он не ищет выхода. Он был уверен, что коалиция не решится на войну¹⁸.

Корреспондент RT Arabic: Как Вы сообщили о результатах встречи?

Е.М. Примаков: Я сразу же позвонил Горбачеву. Он сказал, что считает мою оценку верной. Но попросил быть крайне осторожным в формулировках: «Не дай бог, ты скажешь что-то, что Шеварднадзе воспримет как отступление от линии МИДа...»¹⁹

Следующий фрагмент интервью раскрывает несколько уровней конфликта: между СССР и США, между различными ветвями советской власти и между военной логикой Запада и дипломатической логикой Примакова. Взгляд Примакова подчеркнуто реалистичен: он не идеализирует Саддама, но настаивает на сохранении каналов связи. Контраст между линией Шеварднадзе и миссией Примакова предвосхищает будущий разрыв в российской внешней политике после распада СССР — между «атлантистами» и «государственниками».

¹⁷ Египет и Сирия — ключевые государства арабского мира — осудили Ирак, что фактически раскололо Лигу арабских государств.

¹⁸ Стратегия Саддама основывалась на недооценке решимости международной коалиции. Он надеялся, что угроза применения силы останется блефом.

¹⁹ Эдуард Шеварднадзе, министр иностранных дел СССР, был против инициатив, не санкционированных МИДом. Примаков стремится не столько склонить Ирак к уступкам, сколько создать дипломатическую подушку для СССР как посредника. Его контакт с Горбачевым показывает тонкость внутрисоветской иерархии — между инициативой спецпосланника и сдержанностью официального МИДа.

Корреспондент RT Arabic: Как Вы оценивали позицию США в тот момент?

Е.М. Примаков: Уже тогда было ясно: американцы делают ставку на силовое решение. Тэтчер с самого начала считала, что Саддама нужно просто уничтожить. А Буш еще колебался, искал политическую легитимацию через ООН. Мы это понимали. Поэтому старались действовать в рамках, которые все еще оставляли шанс на компромисс²⁰.

Корреспондент RT Arabic: Как реагировали в Вашингтоне на Ваши инициативы?

Е.М. Примаков: С опаской. В Вашингтоне не верили, что Саддам пойдет на уступки. Считали, что СССР может только затянуть процесс. Я обсуждал это с Белоноговым, нашим представителем в ООН. Он говорил: «Они убеждены, что Саддама невозможно переубедить. Только сила».

Корреспондент RT Arabic: Вы сохраняли уверенность, что дипломатия еще возможна?

Е.М. Примаков: Да. Мы полагали, что Саддама можно хотя бы заставить задуматься, если говорить не языком угроз. В этом и заключалась суть моей миссии — не ультиматум, а довод. Пусть даже отчаянный. Советский Союз тогда еще оставался фактором. Нас слушали. С нами говорили.

Корреспондент RT Arabic: А какова была реакция США на Ваш подход?

Е.М. Примаков: В Вашингтоне это понимали. Они просто не верили в успех. Но признавали, что наши намерения искренни. Тем более что мы действовали прозрачно. Я вел переговоры от имени президента СССР. Американцы были проинформированы — иногда заранее.

Корреспондент RT Arabic: Как к Вашей миссии относились в Багдаде?

Е.М. Примаков: С уважением. Нас не воспринимали как врагов. Напротив — как возможных посредников. Мне говорили: «Вы — единственные, кто не перешел на сторону силы». Это произносилось с уважением, хотя и с определенным отчаянием. Им было важно, что СССР не вошел в коалицию. Это еще давало им надежду²¹.

²⁰ Джордж Буш (старший), президент США, настаивал на коалиции с легитимностью через ООН. Маргарет Тэтчер, премьер Великобритании, выступала за немедленное применение силы без дипломатических проволочек.

²¹ Иракское руководство воспринимало СССР как исторического союзника. Советский отказ участвовать в военной коалиции позволял Багдаду надеяться на дипломатический выход.

Корреспондент RT Arabic: Каковы были ограничения Вашей миссии?

Е.М. Примаков: Ограничения были внутренние. Мы знали, что не можем обещать Саддаму ничего конкретного. Не было мандата на компромиссы. Только на убеждение. Это была дипломатия «последней надежды».

Следующий блок ответов Евгения Примакова показывает, как СССР пытался восстановить минимальное единое поле диалога в условиях полного раскола арабского мира. Миссия Примакова принималась с уважением, но не с надеждой. Практически все лидеры, с которыми он встречался, не верили в уступки со стороны Саддама.

Корреспондент RT Arabic: Как Вы оценивали позицию арабских стран в целом?

Е.М. Примаков: Ситуация была крайне запутанной. Лига арабских государств оказалась фактически парализованной. Часть стран поддерживала Ирак — Ливия, Йемен, Судан. Другие, как Саудовская Аравия и Египет, пошли на сближение с США. Был и нейтралитет. Это делало невозможным единую арабскую позицию²².

Корреспондент RT Arabic: Какие усилия Вы предпринимали в других арабских столицах?

Е.М. Примаков: После Багдада я поехал в Иорданию, затем в Саудовскую Аравию. В Эр-Рияде я провел важный разговор с королем Фахдом. Он меня выслушал. Я изложил: СССР выступает за дипломатическое решение. Он сказал, что понимает, но сомневается в искренности Саддама²³.

Корреспондент RT Arabic: А как к Вашей миссии отнеслись в Каире?

Е.М. Примаков: В Каире меня принял Мубарак. Очень деловой подход. Он сказал: «Если Саддам выведет войска, то ООН и мы готовы остановиться. Но никакой торговли. Все остальное потом». Он боялся, что затягивание диалога даст Ираку шанс укрепиться²⁴.

Корреспондент RT Arabic: Что Вам говорили в Иордании?

²² Лига арабских государств в 1990 г. оказалась глубоко расколотовой: страны Магриба и Ближнего Востока по-разному оценивали действия Ирака.

²³ *Король Фахд ибн Абдул-Азиз Аль Сауд* — правитель Саудовской Аравии (1982–2005). Его режим предоставил территории для размещения американских войск.

²⁴ Хосни Мубарак придерживался позиции «жесткой дипломатии»: никаких уступок в обмен на деоккупацию Кувейта.

Е.М. Примаков: Король Хусейн проявил большую осторожность. Иордания экономически зависела от Ирака. Но он не хотел конфликта. Он искал формулу, при которой иракское отступление выглядело бы как политическая победа, а не капитуляция. Мы с ним были в этом солидарны²⁵.

Корреспондент RT Arabic: Какое значение имел Ваш визит в Сирию?

Е.М. Примаков: Асад, повторю, был первым, с кем я встретился. Это была попытка заручиться поддержкой для возможного давления на Саддама. Но Асад был реалистом. Он говорил: «Саддама уже не остановить. Но если кто и может — это вы, русские». Это было признание²⁶.

Корреспондент RT Arabic: Вы передавали сообщения Горбачеву в процессе поездки?

Е.М. Примаков: Постоянно. У нас была устойчивая правительственная связь. Я информировал о каждом контакте. Горбачев подчеркивал: «Действуйте, но в рамках резолюций Совбеза. И не дайте Западу подумать, что мы на стороне Саддама»²⁷.

Корреспондент RT Arabic: Чувствовали ли Вы, что находитесь между двумя логиками — западной и арабской?

Е.М. Примаков: Да. Запад исходил из санкций и силы. А арабы — из того, чтобы спасти лицо. Для нас это означало необходимость сохранить последнюю дипломатическую зону, где СССР мог быть услышан. Мы старались не быть ни с Западом, ни с Ираком. Это была нейтральная, но активная позиция.

Корреспондент RT Arabic: Какую роль в Вашей миссии играли контакты с Западом?

Е.М. Примаков: Очень важную. Мы хотели, чтобы ни одна из сторон не воспринимала нас как игрока противоположного лагеря. С американцами я не встречался лично, но через наших представителей в ООН и посольство мы доносили все. Это была позиция Горбачева: «Максимум прозрачности»²⁸.

²⁵ *Король Хусейн ибн Талал* — правитель Иордании (1952–1999), один из немногих арабских лидеров, кто пытался балансировать между Западом и Ираком.

²⁶ Признание со стороны Асада подчеркивало остаточный авторитет СССР как внешнеполитического актора.

²⁷ Резолюции СБ ООН предусматривали применение санкций и требование немедленного вывода войск Ирака из Кувейта.

²⁸ Внешняя политика Горбачева строилась на принципе «нового политического мышления», предполагающего максимальную открытость, отказ от конфронтации и активную роль в системе международной безопасности.

Корреспондент RT Arabic: Были ли попытки координации с Францией или другими странами?

Е.М. Примаков: Франция проявляла интерес. Миттеран сначала надеялся, что вопрос удастся решить без войны. Но когда стало ясно, что Саддам не отступит, Париж встал на сторону коалиции. Тем не менее они тоже смотрели на нас как на возможный канал связи²⁹.

Корреспондент RT Arabic: Что Вы думали о перспективах Саддама удержаться?

Е.М. Примаков: Я считал, что он зашел слишком далеко. Его ставка на то, что США не решатся воевать. Он был уверен, что в арабском мире начнется взрыв, что люди не примут войну против мусульманской страны. Но он просчитался. Он недооценил, насколько серьезно Запад относится к вопросу нефти и международной стабильности³⁰.

Корреспондент RT Arabic: Как Вы воспринимали ультиматум ООН?

Е.М. Примаков: Это была точка невозврата. Резолюция № 678 давала Ираку срок до 15 января 1991 г. После этого силовое вмешательство становилось законным. Мы понимали: если Саддам не отступит, война неизбежна. И все же надеялись на чудо до последнего момента³¹.

Корреспондент RT Arabic: Какая атмосфера царила в тех арабских столицах?

Е.М. Примаков: Напряженность. Никто не хотел войны, но почти все к ней готовились. У всех было ощущение, что дипломатия исчерпана. Тем не менее они ждали, вдруг СССР что-то добьется. Это тоже было тяжело — чувствовать ответственность, но не иметь рычагов.

Корреспондент RT Arabic: Вы чувствовали личное давление?

Е.М. Примаков: Да. Это была самая тяжелая миссия в моей жизни. Не из-за того, что не получалось, а потому что был шанс — и он ускользал. Я понимал, что, может быть, от нашей миссии зависит, будет ли война. Это страшная ответственность. А возможностей почти не было³².

²⁹ Франсуа Миттеран, президент Франции, сначала поддерживал инициативы по мирному урегулированию, но после провала дипломатии присоединился к коалиции.

³⁰ Саддам Хусейн надеялся на волну арабской солидарности и антивоенных настроений, однако ведущие страны региона действовали прагматично, опираясь на национальные интересы.

³¹ Резолюция № 678 Совета Безопасности ООН (принята 29 ноября 1990 г.) санкционировала применение силы против Ирака, если тот не выведет войска до 15 января 1991 г.

³² Примаков подчеркивает личностный и нравственный аспект дипломатии в отличие от формального исполнения инструкций.

Е.М. Примаков (справа) в командировке на Ближнем Востоке
Из домашнего архива Е.А. Примакова

Корреспондент RT Arabic: Чувствовали ли Вы тогда, что это последняя крупная внешнеполитическая операция СССР?

Е.М. Примаков: Скорее, нет. Тогда еще казалось, что мы успеем перестроиться, найти новое место в мире. Уже потом стало ясно: это была последняя попытка Советского Союза выступить в роли глобального посредника³³.

Корреспондент RT Arabic: Как Вы оценивали позицию Горбачева по отношению к Вашей миссии?

Е.М. Примаков: Он меня поддерживал. Он хотел, чтобы СССР остался в истории как сила мира. Он говорил: «Мы не можем быть стороной, поддерживающей войну. Но мы и не можем оправдывать Саддама». Это была сложная позиция. Но именно она позволила нам сохранить доверие со всех сторон³⁴.

Корреспондент RT Arabic: Как Вы сегодня оцениваете итоги той миссии?

Е.М. Примаков: Она не принесла результата. Война началась. Но я не считаю ее бесполезной. Мы дали шанс дипломатии. Пусть он не был реализован — это уже не наша вина. История показала: диплома-

³³ Речь идет о преддверии распада СССР (декабрь 1991 г.). Миссия Примакова — один из последних внешнеполитических шагов сверхдержавы.

³⁴ Политика Горбачева в 1990–1991 гг. отражала его стремление позиционировать СССР как конструктивную силу, поддерживающую международное право, но не прибегающую к военной силе.

тия должна быть настойчивой, даже если кажется, что поздно. Иногда именно в последний момент можно что-то изменить³⁵.

Корреспондент RT Arabic: Какое значение та миссия имеет лично для Вас?

Е.М. Примаков: Это было испытание. И урок. Тогда я окончательно понял: дипломатия — это искусство работать на грани. Ты должен сохранять хладнокровие, когда тебе говорят: «Все кончено». И ты должен продолжать говорить, даже когда другие уже молчат. Это стало основой моего подхода во внешней политике и позже, когда я возглавлял МИД и правительство³⁶.

Корреспондент RT Arabic: Как бы Вы охарактеризовали Саддама после личной встречи?

Е.М. Примаков: Очень сложный человек. Замкнутый, жесткий, самонабивый. Он считал, что весь мир должен признать его как великого арабского лидера. Он не слушал никого. У него было свое видение — и все. Это был авторитарный лидер с харизмой, но без гибкости. И это привело его — и страну — к катастрофе³⁷.

Корреспондент RT Arabic: Последний вопрос. Можно ли было избежать войны?

Е.М. Примаков: Я думаю, да. Если бы Саддам хотя бы сделал шаг навстречу. Но он не сделал. И это стало роковой ошибкой. Мы были очень близко, но он не двинулся ни на шаг. Вот тогда я понял: дипломатия бывает бессильна не тогда, когда у тебя нет аргументов, а когда у другой стороны нет воли слушать³⁸.

Показательно, что Е.М. Примаков подчеркивает значение дипломатии не как гарантии успеха, а как моральной необходимости даже в самых неблагоприятных условиях. «Даже шаг без результата может спасти лицо страны».

³⁵ Хотя миссия Примакова не предотвратила войну, она укрепила репутацию СССР как ответственного игрока и сохранила связи с арабскими странами, включая Ирак.

³⁶ Примаков позже использовал опыт миссии 1991 г. как базу для своей дипломатии в 1990-х, особенно в период войны в Югославии и реформирования внешней политики России.

³⁷ Описание Саддама Примаковым перекликается с более поздними характеристиками в международных отчетах: концентрация власти, культ личности, недооценка внешних угроз.

³⁸ Эта формулировка отражает философию «дипломатического реализма» — даже при наличии каналов и ресурсов успех зависит от готовности обеих сторон слушать и уступать.

В своих последующих ответах Е.М. Примаков демонстрирует принципиальную, но дипломатичную позицию: он напрямую не обвиняет США в провокации конфликта, но считает, что их бездействие было фактором, позволившим Саддаму сделать роковой шаг. В его словах сквозит понимание баланса между обвинением и сохранением международных контактов. Особенно важны здесь контрасты между линией Шеварднадзе и реалистичной позицией Примакова.

Корреспондент RT Arabic: 31 июля 1990 г., за два дня до вторжения Ирака в Кувейт на заседании Конгресса США выступил помощник госсекретаря по Ближнему Востоку Джон Келли. Он заявил в прямом эфире CNN: «Мы не имеем договорных обязательств по обороне ни с одним государством Персидского залива. Исторически мы воздерживаемся от вмешательства в споры о границах или в разногласия внутри ОПЕК». Вам известно о беседе Саддама Хусейна с послом США в Багдаде госпожой Гласпи. За два дня до вторжения США заключают с Багдадом соглашение о поставках нового вооружения и радиолокационных систем. Не давало ли все это карт-бланш Саддаму Хусейну действовать так, как он поступил?

Е.М. Примаков: Я бы даже не в форме вопроса оставил это. Вы фактически сами все подтвердили. Я согласен с тем, что США не препятствовали Ираку так, как могли бы. Не думаю, что они прямо подталкивали Саддама к вторжению в Кувейт, но и не останавливали. Была ли это ошибка или сознательная политика — не знаю. Но очевидно, как подтверждает Ваша цитата: Соединенные Штаты Ираку не препятствовали³⁹.

³⁹ Джон Келли — помощник госсекретаря США по делам Ближнего Востока. 31 июля 1990 г. он выступил в Конгрессе США, где в ответ на прямой вопрос сенатора о том, будет ли США защищать Кувейт в случае нападения, заявил: «Мы не имеем договорных обязательств по обороне Кувейта. Исторически мы воздерживаемся от вмешательства в споры о границах арабских государств». Это заявление, прозвучавшее за два дня до вторжения Ирака в Кувейт, часто трактуется в историографии как дипломатический сигнал неопределенности, воспринятый Багдадом как свидетельство пассивности США. В этом контексте важна также встреча Саддама Хусейна с послом США в Ираке Эйприл Гласпи 25 июля 1990 г., в ходе которой она якобы сообщила: «У нас нет позиции по арабским спорам вроде вашего конфликта с Кувейтом». Позже рассекреченные дипломатические телеграммы (*Glaspie Cable*) и отсутствие резкой публичной реакции США укрепили мнение, что Ирак мог ошибочно расценить ситуацию как молчаливое согласие на силовое решение. Этот эпизод (в совокупности с позицией Келли) получил в научной и политической литературе название «контроверза Гласпи» (*Glaspie Cable Controversy*) и стал ключевым элементом аргументации о внешнеполитической двусмысленности США накануне войны в Персидском заливе.

Корреспондент RT Arabic: После конфликта с Шеварднадзе Вы упоминаете в мемуарах несколько эпизодов с прямыми разногласиями. Через некоторое время он ушел в отставку. В беседе с Александром Белоноговым он отметил, что Горбачев в ряде случаев прислушивался к другим людям больше, чем к самому Шеварднадзе. Когда я спросил: «Не Примакова ли Вы имеете в виду?», он подтвердил. Считаете ли Вы, что отставка Шеварднадзе была реакцией на обиду?

Е.М. Примаков: Абсолютно нет. Упомянутый эпизод не имеет никакого отношения к отставке. Причины были иные: связанные с ситуацией в Грузии, с разгоном демонстраций, с нарастающим внутренним конфликтом. Это было уже другое измерение — не арабский мир, а внутренняя повестка.

Корреспондент RT Arabic: После отставки Шеварднадзе чего хотел Горбачев от Вас? Что Вы должны были донести до Саддама Хусейна?

Е.М. Примаков: Он поручил мне убедить Саддама в необходимости немедленного объявления об уходе из Кувейта и начале реального, незамедлительного вывода войск.

Корреспондент RT Arabic: Странно, что Горбачев давал Вам инструкции по Ближнему Востоку...

Е.М. Примаков: Почему странно? Если я направлялся туда как его специальный посланник, он, конечно, должен был передать мне послание, которое я обязан был довести до собеседника.

Корреспондент RT Arabic: Но разве Вы не формулировали содержание послания самостоятельно?

Е.М. Примаков: О чем речь? Мы с Вами уже говорили, что позиция СССР по вторжению Ирака в Кувейт была четко негативной. Это был не только моральный, но и политический курс. Мы не хотели обострения отношений ни с США, ни с рядом арабских стран — это тоже входило в цели моей «миссии»...

Корреспондент RT Arabic: В своей книге *Минное поле политики*, в главе *Война, которой могло не быть*, Вы приводите разговор с Маргарет Тэтчер, в котором она говорит: «Даже если они уйдут из Кувейта — этого мерзавца надо проучить». И в той же главе Вы цитируете: «В любом случае применение силы неизбежно». Вы у нее даже спросили: «Вы считаете, что нет других вариантов?»

Е.М. Примаков: Ну а разве Вы видите здесь противоречие между двумя ее высказываниями?

Корреспондент RT Arabic: Вы описали поведение Маргарет Тэтчер как крайне агрессивное...

Е.М. Примаков: Так и было. Она настаивала, что даже если Ирак выведет войска, наказание все равно должно последовать. Она не верила, что Саддам отступит по доброй воле. Для нее это было делом принципа: показать, что международное сообщество не потерпит такого поведения.

Корреспондент RT Arabic: В этой связи — когда Вы прибыли в Ирак в январе 1991 г., за сколько дней до начала войны это было?

Е.М. Примаков: Я прилетел в Багдад 14 января, за один день до истечения срока, установленного резолюцией ООН. В тот момент все уже было на грани. Вопрос стоял буквально в часах: либо Саддам отступает, либо начинается война.

Корреспондент RT Arabic: Сколько у Вас было встреч с Саддамом?

Е.М. Примаков: Две. Одна — вечером 14 января, вторая — утром 15-го. Первая длилась почти два часа. Вторая — короче, минут сорок. Но уже тогда было ясно: он не собирается отступать.

Корреспондент RT Arabic: Что Вы ему сказали?

Е.М. Примаков: Я передал позицию Советского Союза. Мы требовали немедленного вывода войск из Кувейта. Я говорил с ним прямо: если вы не уйдете, начнется война. Вы не выдержите столкновения с коалицией. Вы должны уйти.

Корреспондент RT Arabic: И как он отреагировал?

Е.М. Примаков: Он сказал: «Мы не боимся войны. Мы готовы к сопротивлению. Мы не уйдем без гарантий, что палестинский вопрос тоже будет решен». Это было условие, которое он пытался выдвинуть — связать Кувейт с Палестиной.

Корреспондент RT Arabic: Это условие Вы могли принять?

Е.М. Примаков: Нет. Мы с Горбачевым заранее договорились: никаких условий. Только безоговорочный уход. Любая другая позиция — ловушка. Сначала Кувейт, потом можно говорить о Палестине, но не наоборот.

Корреспондент RT Arabic: Вы передали Саддаму прямой ультиматум?

Е.М. Примаков: Это был не ультиматум, а довод. Мы не имели мандата на угрозы. Но я говорил предельно ясно: если он не отступит, то коалиция начнет операцию. У него был последний шанс — и он его не использовал.

Далее Е.М. Примаков показывает деликатную стратегию советской дипломатии, которая пыталась сохранить баланс ме-

жду историческим союзничеством с Ираком и обязательствами СССР в рамках ООН. Его поведение подчеркнуто сдержанно и уважительно — несмотря на то, что ситуация фактически была безвыходной. Особенно важным является факт, что Саддам не проявил агрессии или истерики — наоборот, он до последнего сохранял уверенность в возможности стратегического сопротивления, что говорит о его системной недооценке сил коалиции. Примаков, зная, что шансов нет, все же доносит позицию — не как ультиматум, а как моральное предупреждение. Здесь дипломатия служит не переговорам, а фиксации нравственной позиции.

Корреспондент RT Arabic: Известно, что Саддам был раздражен из-за того, что Вы сначала посетили Сирию, а не сразу прибыли в Багдад. Как Вы это объяснили?

Е.М. Примаков: Да, он упомянул это в начале нашей беседы. Я ответил: «Вы ведь понимаете, что в арабском мире важна символика. Визит в Сирию, где позиция была наиболее критичной, показывал, что мы хотим услышать разные стороны». Он кивнул, но, думаю, обиду не забыл.

Корреспондент RT Arabic: Считал ли он, что СССР его предал?

Е.М. Примаков: Не думаю. Скорее, он был разочарован. Он ожидал от нас большей поддержки, как раньше. Но времена изменились. Мы действовали в рамках международного права и Саддам это понимал — даже если не принимал.

Корреспондент RT Arabic: Кто еще присутствовал на встречах?

Е.М. Примаков: Первая встреча была один на один, только переводчики. Во второй присутствовали члены его окружения. Я помню Тарика Азиза — он все записывал. Также были военные. Видимо, хотели использовать встречу как сигнал: СССР еще ведет с ними диалог.

Корреспондент RT Arabic: После второй встречи Вы сразу покинули Ирак?

Е.М. Примаков: Сразу. Я улетел в Амман, оттуда — в Москву. Уже в самолете стало известно, что ультиматум истек. Через несколько часов началась операция. Больше сказать было нечего.

Корреспондент RT Arabic: Как Вы передали информацию Горбачеву?

Е.М. Примаков: По прямой правительственной связи. Я доложил: «Саддам отказывается вывести войска, настаивает на предварительных условиях». Горбачев сказал: «Понятно. Спасибо». Он понимал, что миссия завершилась. Это было предельно ясно.

Корреспондент RT Arabic: Как отреагировала международная пресса на Вашу миссию?

Е.М. Примаков. Эпизод командировки на Ближний Восток
Из домашнего архива Е.А. Примакова

Е.М. Примаков: В основном — с уважением. Нас не обвиняли в двойной игре. Писали: «Москва пыталась спасти мир». Даже в США реакция была сдержанной. Все понимали, что у нас не было других инструментов кроме диалога.

Важным для понимания того, как дипломатическая миссия СССР позиционировалась на международной арене в условиях крайней сжатости времени, является дальнейший рассказ Е.М. Примакова. Он подчеркивает, что действовал не по личной инициативе, а выполнял официальную государственную миссию. Особый интерес вызывает его свидетельство о восприятии Западом этой миссии: несмотря на общую подготовку к войне сохранялась доля надежды на дипломатический разворот. В интервью четко различается поведение Франции и англосаксонских держав — Миттеран все же сохранял пространство для политических маневров.

Корреспондент RT Arabic: Как Вы воспринимали поведение Запада — США, Великобритании, Франции — в тот момент? Был ли у Вас диалог с западными партнерами?

Е.М. Примаков: Прямых диалогов в те дни не было — слишком мало времени. Но я точно знал, что они внимательно следят за моими переговорами. Через ООН, через прессу. Думаю, они даже рассчитывали, что Саддам может передумать. Не все на Западе были в восторге от

перспективы войны — особенно Франция. Но Тэтчер и Буш были решительно настроены.

Корреспондент RT Arabic: Вы упомянули Францию. Как Вы оцениваете позицию президента Миттерана?

Е.М. Примаков: Он старался сохранять дистанцию. Французы поддерживали коалицию, но в риторике были осторожны. Думаю, Миттеран все же надеялся, что дипломатия сработает. Его подход отличался от англо-американского давления.

Корреспондент RT Arabic: Некоторые утверждают, что Вы действовали не только по линии Горбачева, но и в противовес МИДу. Это правда?

Е.М. Примаков: Нет, неправда. Я действовал строго в рамках мандата, полученного от президента. Шеварднадзе на тот момент уже ушел в отставку, а новый министр, Бессмертных, только вошел в курс дела. Поэтому я напрямую согласовывал все шаги с Горбачевым. Это было легитимно и необходимо⁴⁰.

Корреспондент RT Arabic: Вы ведь в прошлом были журналистом и востоковедом. Это как-то повлияло на стиль Ваших переговоров?

Е.М. Примаков: Безусловно. Моя подготовка и опыт работы в арабском мире дали мне преимущество. Я знал, как говорить, как формулировать. В восточной дипломатии важны не только слова, но и паузы, и интонации. Я не был чиновником, читающим ноту. Я был человеком, говорящим напрямую и с уважением.

Корреспондент RT Arabic: Можете ли Вы сейчас сказать, что Саддам Хусейн верил Вам?

Е.М. Примаков: Думаю, да. Он знал, что я не лгу. Даже если мы расходились во мнениях — он слышал, что я говорю честно. Я не угрожал, не шантажировал, не обещал. Это вызывало доверие — по крайней мере, на уровне общения.

Корреспондент RT Arabic: Сейчас, задним числом, Вы считаете, что Ваша миссия имела хоть какой-то шанс на успех?

Е.М. Примаков: Да. До последнего я верил, что Саддам может передумать. В Ираке были и разумные голоса — тот же Тарик Азиз. Но, видимо, было уже поздно. Вся логика режима — сопротивление до конца. Даже если конец предскажем.

⁴⁰ В январе 1991 г. министром иностранных дел СССР был Александр Бессмертных, сменивший Эдуарда Шеварднадзе, ушедшего в отставку 20 декабря 1990 г. в знак протеста против политики Горбачева. Бессмертных вступил в должность 15 января — в день истечения ультиматума ООН Ираку.

Далее Е.М. Примаков подчеркивает нравственное измерение своей миссии, возвращает дипломатии статус моральной силы, даже при отсутствии политического рычага. Анализ реакции Саддама показывает, насколько политическая изоляция лидера сказывается на его восприятии реальности.

Корреспондент RT Arabic: Можно ли было убедить Саддама? Что Вы считаете его роковой ошибкой?

Е.М. Примаков: Ошибка — не только в захвате Кувейта. Ошибка — в недооценке реакции мира. Он полагал, что арабская улица восстанет, а западные страны не рискнут полномасштабной операцией. Но ни первое, ни второе не случилось. Он переоценил свои возможности и недооценил решимость других.

Корреспондент RT Arabic: Вы писали, что Саддам при разговоре почти не смотрел в глаза. Что это значило?

Е.М. Примаков: Это его манера. Он говорил, глядя в сторону, будто читая текст. Возможно, так он скрывал эмоции. Может быть, это элемент авторитарной риторики — дистанция. В арабской культуре визуальный контакт в политических беседах трактуется по-разному. Но это не означало неуважение. Скорее — заученную жесткость⁴¹.

Корреспондент RT Arabic: Вы пытались обсуждать с ним гуманитарные последствия?

Е.М. Примаков: Да. Я говорил, что если начнется война, пострадают не только солдаты. Это будут бомбардировки, разрушения, тысячи жертв. Но он считал, что народ будет с ним. Он говорил: «Наш народ выдержал Иран, выдержит и Америку». У него было романтизированное представление о сопротивлении.

Корреспондент RT Arabic: Он действительно верил, что сможет победить?

Е.М. Примаков: Не думаю, что он верил в победу в классическом смысле. Но он верил, что сможет навязать длительный конфликт, утомить коалицию, вызвать международное давление на прекращение огня. Стратегия затягивания — это был его сценарий⁴².

⁴¹ В арабской политической культуре избежание прямого зрительного контакта может трактоваться как выражение власти, дистанции или эмоционального контроля — особенно в высококонтекстных переговорах. У Примакова это наблюдение усиливает психологический портрет Саддама.

⁴² Позиция Ирака по «истошающей войне» повторяла опыт ирано-иракского конфликта (1980–1988), где Саддам делал ставку на изматывание противника. Однако силы международной коалиции в 1991 г. были несравнимо более мобилизованы и технологически превосходили иракскую армию.

Корреспондент RT Arabic: После возвращения в Москву Вы чувствовали, что миссия провалилась?

Е.М. Примаков: Я знал, что она завершилась без результата. Но провал — это когда ты даже не пытаешься. Мы сделали все, что могли. Сроки были нереальными, окно возможностей — узким. Но надо было попробовать.

Корреспондент RT Arabic: Что Вы ответили тем, кто говорил: «Вы поехали туда, зная, что это бесполезно»?

Е.М. Примаков: Я говорил: «А вы бы не поехали?» В политике не всегда важен только результат. Иногда важна попытка. Она создает прецедент, моральный ориентир. Она говорит: СССР пытался. Это важно — и для истории, и для совести.

Корреспондент RT Arabic: Если бы Вы знали заранее, что Саддам откажется — Вы бы все равно полетели?

Е.М. Примаков: Да. Без сомнений. Потому что дипломатия — это не сделка. Это обязанность. Даже если тебя не слушают — ты должен говорить. Иногда одно слово в нужный момент может предотвратить катастрофу. Даже если оно прозвучит в пустоту...

Корреспондент RT Arabic: Как Вы передали итоги поездки западным партнерам?

Е.М. Примаков: Я дал пресс-конференцию в Москве. Затем через наши дипломатические каналы были разосланы доклады — в Вашингтон, Париж, Лондон. Мы честно сообщили: Саддам не отступает, условий не принимает, время исчерпано. У меня не было иллюзий, что это кого-то удивит. Но для прозрачности было важно донести все официально⁴³.

Корреспондент RT Arabic: Мог ли СССР предпринять что-то большее, например, предложить гарантии безопасности Ираку?

Е.М. Примаков: Нет. На тот момент у нас не было таких ресурсов и международной позиции. Любые односторонние гарантии — особенно в обход ООН — были бы восприняты как потакание агрессору. А это разрушило бы наш авторитет. Мы выбрали принципиальность, даже если она была безоружна.

Корреспондент RT Arabic: Какова была личная реакция Горбачева?

⁴³ После возвращения из Багдада Примаков провел пресс-конференцию 17 января 1991 г., где изложил итоги переговоров. Тогда же МИД СССР разослал ноту странам Совета Безопасности, подтверждая провал мирной инициативы.

Е.М. Примаков: Он воспринял все спокойно. Он понимал, что мы сделали максимум. И, надо сказать, даже Запад тогда признал: СССР действовал достойно. Мы не допустили двойных стандартов. Мы были за мир, но не любой ценой.

Корреспондент RT Arabic: Если бы сегодня Вы вели такие переговоры — Вы бы сказали Саддаму что-то другое?

Е.М. Примаков: Нет. Я бы сказал то же самое. Потому что говорил правду. Я не обещал ему спасения. Я говорил: «Ты идешь к катастрофе. У тебя есть шанс отступить — воспользуйся им». Он не воспользовался.

Корреспондент RT Arabic: Какое значение имела эта миссия для Советского Союза?

Е.М. Примаков: Это была последняя крупная дипломатическая инициатива СССР. Уже через год страна исчезнет. Но тогда мы еще могли говорить от имени державы. И мы говорили — с уважением, с ответственностью. Это была попытка сохранить лицо, сохранить принципы. Даже если никто их не слушал — мы их отстаивали.

Корреспондент RT Arabic: И последнее: Вы считаете, что миссия была не напрасна?

Е.М. Примаков: Да. Потому что иногда история судит не по результату, а по усилию. Мы сделали то, что должны были сделать. Это и есть дипломатия.

Заключение

Интервью с Евгением Максимовичем Примаковым является уникальным историческим документом, позволяющим пролить свет на сложные и противоречивые процессы, происходившие в системе внешнеполитического управления СССР на рубеже 1980–1990-х гг. Рассказ непосредственного участника событий позволяет реконструировать содержание дипломатических инициатив Советского Союза в период кувейтского кризиса.

В условиях утраты стратегической устойчивости СССР стремился сохранить влияние на Ближнем Востоке преимущественно за счет миротворческой дипломатии. Инициатива Примакова по личному взаимодействию с Саддамом Хусейном демонстрирует не только попытку предотвратить масштабную войну, но и желание Советского Союза позиционировать себя как ответственного глобального игрока, способного влиять на международные процессы, несмотря на внутренние кризисы.

Важным аспектом интервью является раскрытие внутренних противоречий между различными центрами принятия решений — президентом СССР, Министерством иностранных дел, спецпредставителем.

Интервью Е.М. Примакова представляет особый интерес для историков, изучающих Ближний Восток, международников и политологов, исследующих механизмы трансформации внешнеполитической доктрины в период перехода от двухполюсного мира к новой международной архитектуре.

Евгений Максимович Примаков говорит не только от себя, но и от лица уходящей эпохи, в которой СССР сохранял статус гаранта мира. Его настойчивое подчеркивание моральной, а не только прагматической функции дипломатии становится важнейшим уроком для современных участников международных отношений. Он не видит в своей неудаче поражения, потому что дипломатия измеряется не только результатами, но и формой участия в историческом процессе. Этот подход — уникальное наследие примаковской школы.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Горбачев М.С. *Наедине с собой. Дневники 1985–1991 гг.* М.: АСТ, 2014.
2. Примаков Е.М. *Встречи на перекрестках.* М.: Новости, 1991.
3. Примаков Е.М. *Мир без России? К чему ведет политическая близорукость.* М.: Российская газета, 2006.
4. Шеварднадзе Э.А. *Когда рушатся стены. Записки министра иностранных дел СССР.* М.: Прогресс, 1991.
5. Вестник ООН. Резолюция № 678 Совета Безопасности ООН от 29 ноября 1990 года.
6. Freedman L. *A Choice of Enemies: America Confronts the Middle East.* London: Weidenfeld & Nicolson, 2008.

7. Karsh E. & Rautsi I. *Saddam Hussein: A Political Biography*. New York: Grove Press, 2002.
8. Pelletiere S. *Iraq and the International Oil System: Why America Went to War in the Gulf*. Washington, D.C.: Praeger, 2001.
9. Seale P. *Asad: The Struggle for the Middle East*. Berkeley: University of California Press, 1989.
10. Quandt W.B. *Peace Process: American Diplomacy and the Arab-Israeli Conflict Since 1967*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2005.
11. Хусейн Саддам. *Выступления и заявления (1988–1990)*. Багдад: Издательство Иракского информационного агентства, 1990.
12. Макфейл Д. *США и Ближний Восток: История вмешательства*. М.: Международные отношения, 2007.

 Сухов Николай Вадимович

 Nikolay V. Sukhov

Кандидат исторических наук,
 ведущий научный сотрудник Центра
 ближневосточных исследований
 ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
 ORCID: 0000-0002-6767-3352

C.Sc. (History), Leading Researcher
 at the E.M. Primakov Center for Near
 Eastern Studies of the Russian Academy of
 Sciences.
 ORCID: 0000-0002-6767-3352

Поступила в редакцию /
 Received
 13.10.2025

Поступила после
 рецензирования /
 Revised
 14.11.2025

Принята к публикации /
 Accepted
 16.12.2025